

ИЗ РАННИХ СВИДЕТЕЛЬСТВ О «ДЕЛЕ ПБО»

Предисловие и примечания И. Вознесенского

По «таганцевскому делу» («делу Петроградской боевой организации») летом 1921 г. было арестовано свыше 200 человек. 1 сентября «Петроградская правда» опубликовала сообщение ВЧК «О раскрытом в Петрограде заговоре против Советской власти». Сообщение заканчивалось словами: «Все активные участники заговора понесли заслуженное наказание». Рядом, за подписью Президиума Петроградской чрезвычайной комиссии, газета поместила список расстрелянных «активных участников» (61 чел.), с указанием вины каждого. Было дано и краткое изложение доклада предгубчека Семёнова Петросовету.

«ПБО» обвинялась в том, что она, вступив в соглашение с бывшим Кронштадтским ревкомом и с группой «Уполномоченные собрания представителей фабрик и заводов г. Петрограда», подготавливала «кровавый переворот к концу августа — началу сентября, ко времени сбора продналога». Сообщалось, что заговорщики выставляли лозунги «Вся власть народу» и «Всеобщее избирательное право с прямою, равною для всех и тайною подачей голосов», а «главе ПБО», проф. В.Н. Таганцеву, приписывались «подлинные слова»: «сжигать заводы, истреблять жидов, взрывать памятники коммунаров». Среди осуществленных актов ПБО назывались убийство семи человек и поджог первомайских трибун, среди намечавшихся — взрыв центральных складов горючего и убийство Г. Зиновьева, М. Горького, комиссара Балтфлота Н. Кузьмина.

С 20-х гг. и по сей день существуют разные точки зрения на «дело ПБО», вплоть до крайних и полярно противоположных: 1) не было никакой боевой организации — она создана следствием, 2) ЧК разгромило реально существовавшую организацию, мощную и разветвленную.

Для того чтобы всерьёз обсуждать вопрос о существовании ПБО (или хотя бы ее зародыша, раздутого в определенных целях), имеющихся в распоряжении современного исследователя (тем более — широкого читателя) фактов явно недостаточно. Необходимо введение в оборот новых источников*, в первую очередь — архивных, но, кроме них, и затерявшихся на страницах периодики прошлых десятилетий. Архивные документы по «делу ПБО» остаются пока недоступными. Здесь мы перепечатаваем две статьи из парижских «Последних новостей» (8 и 10 октября 1922 г.) — одной из круп-

* Появившиеся в последние годы в советской печати новые материалы касаются почти исключительно проблемы неучастия (или участия) в «ПБО» расстрелянного по этому делу поэта Н.С. Гумилева. Даже прекрасная статья О. Хлебникова (Огонек. 1990. №18), в которой впервые опубликованы многие документы из «дела №214224», давая ответ на ряд давних вопросов, касающихся Гумилева, почти не продвигает нас в понимании «дела ПБО» в целом.

нейших газет русской эмиграции, выходившей под редакцией П.Н. Милокова. Мы не будем здесь касаться вопроса об источниках сведений, сообщаемых в этих статьях, степени возможного к ним доверия и т.п. Отметим лишь, что целый ряд фактов подтверждается независимыми источниками: такова прежде всего история сговора Таганцева с Аграновым, породившая множество слухов и зафиксированная позже в недавно опубликованных мемуарных записях В.И. Вернадского. Это заставляет нас внимательно отнестись и ко всей остальной информации, которую предоставил «Последним новостям» автор, скрывшийся за криптонимом С.

Два предварительных замечания. Первое касается фактической стороны «таганцевского заговора». Вчитываясь в список расстрелянных, мы находим в нем и моряков (месть за Кронштадт?), и профессоров, и студентов (как раз в это время высшая школа пытается отстоять свою автономию), представителей всех сословий (от крестьянина до князя), всех возрастов (от 19 до 60 лет) и всех партий (от монархиста до бывшего члена РКП). Создается впечатление аптекарской взвешенности списка, рассчитанного, кажется нам, на широкое устрашение определенных групп населения. Даже если ПБО существовала, она не могла представлять собой такого конгломерата, каким ее подали публике. Зная, как не могли в течение всей гражданской войны договориться между собой представители направлений, даже недалеко в идейном отношении стоящих друг от друга, мы как-то не склонны доверять самому факту объединения всех со всеми: монархистов с социалистами, террористов с сестрами милосердия, матросов с профессорами...

Не менее интересными и важными видятся нам и социально-психологические аспекты «дела ПБО». Если верна версия, попавшая на страницы «Последних новостей», то признания (не оговоры!) В.Н. Таганцева и некоторых других, поверивших в конец братоубийства, могут, в известном смысле, рассматриваться как не оправдавшая себя попытка проложить путь к гражданскому миру в условиях окончившейся гражданской войны. Наивной безнравственностью Таганцева и других «разоружившихся» карательное ведомство воспользовалось для нащупывания перспективных, с его точки зрения, методов следствия, от которых прямая дорога к будущим «показательным» процессам.

Напомним также, что «дело ПБО» — это первая крупная карательная акция после объявления НЭПа и, наряду с ликвидацией общественного Всероссийского комитета помощи голодающим, последнее из крупных «дел», находившихся (в какой мере?) под контролем В.И. Ленина. Хронологически оно стало своего рода завещанием ВЧК своему наследнику — ГПУ.

ТАГАНЦЕВСКИЙ ЗАГОВОР

Большевики постоянно имели и имеют нелегальное курьерское сообщение с Финляндией, в частности с фортом Ино¹. На форту Ино были в свое время интернированы спасшиеся из Кронштадта после подавления восстания кронштадтские беженцы и гарнизон. Растворившись в их массе, явились в Финляндию — на Ино — и тайные агенты ЧК. После падения Кронштадта они перенесли работу в Финляндию. Часть их вела агитацию, пользуясь обстоятельствами неприглядной и монотонной жизни кронштадтцев, часть же занималась прямым своим делом, обстоятельно информируя ПЧК о жизни многотысячного лагеря беженцев. А материал для этого имелся обильный.

Изолированный финскими властями колючей проволокой, отрезанный от всякой жизни, томившийся в вынужденной бездеятельности, но вкусивший уже и от революции и от анархии, бывший гарнизон защитников Кронштадта представлял собою весьма благоприятную почву для всякого рода агитации. Это обстоятельство учли представители русских белых организаций в Финляндии и энергично, каждый в свою сторону, повели недружное наступление на лагерь.

Центром политической жизни лагеря, и довольно оживленным, стал бывший кронштадтский ревком², пользовавшийся полупризнанием и со стороны финского правительства. Вождедения русских организаций всех оттенков сводились к тому, чтобы, имея кронштадтцев в качестве послушного материала, нелегально перекинуть большое их количество в Петроград, чтобы располагать на случай переворота послушной организацией, раскинутой по всему Петрограду (идея П.Б.О. — Петроградской Боевой Организации). Частичным достижением цели была бы та богатая информация, которую русские организации рассчитывали получать от переправленных ими за границу. Финские власти обещали смотреть сквозь пальцы на утечку кронштадтцев через границу.

Желающих отправиться в нелегальное путешествие оказалась масса. Ревком производил фильтрацию и выбранных рекомендовал русским организациям. Впоследствии ревком раскололся, с.-ры отстроились от этой игры и рекомендацию выдавал почти единолично пред. ревкома Петриченко.

Будучи в курсе лагерной жизни, ПЧК посылала директивы своим агентам в Ино. Одних из этих агентов, на котором безусловно стоит несколько остановиться, был боцман старого времени Паськов с «Петропавловска»³. Уже с проседью, но подвижный и энергичный старый матрос, он был близок со многими членами ревкома, особенно же пользовался доверием Петриченко. Предписанием из ЧК Пась-

кову приказывалось проникнуть в финскую разведочную организацию, затем попытаться сделаться русским белогвардейским или финским курьером, а по возможности и фиктивным организатором матросского элемента в Петрограде. Пользуясь своими хорошими отношениями в ревкоме и привилегированным в тот момент положением ревкома, Паськов, действительно, в короткое время тесно связывается с финскими курьерами, с начальником сыскного отделения, знакомится с двумя русскими белыми организациями и поддерживает с ними добрые отношения. По рекомендации Петриченко он отправляется в Петроград с инструкциями. В первый же свой визит в Петроград Паськов явился к Агранову⁴ и имел с ним продолжительную беседу, в результате которой предложено было ему, Паськову, войти при посредстве заграничных в связь с петроградскими белыми организациями, а для укрепления его положения в Финляндии ЧК бралась снабжать его нужными для финского генерального штаба сведениями. Кроме того, ЧК разрешила ему провести беспрепятственно через границу в Финляндию несколько лиц, выписанных родственниками из Петрограда. Такие поручения Паськов брал и от влиятельных лиц белых организаций и благополучным их исполнением входил все в большее и большее доверие.

После каждого своего похода в Петроград Паськов делал доклад, помимо представителей финского генерального штаба, и кронштадтскому ревкому в лагере на Ино. Пользуясь возрастающим доверием, Паськов становится заведывающим курьерской кронштадтской связью и организатором отправляемых в Петроград матросов. На первых порах дела его шли хорошо: благодаря содействию ЧК он безнаказанно отводит матросам конспиративные квартиры в Петрограде, собирает их для обсуждения дел и вместе с тем, для приобретения популярности в белых группах Петрограда, участвует в мелких террористических актах³, расклеивает на улицах Петрограда прокламации от кронштадтского ревкома. Уже к маю месяцу Паськов познакомился с Таганцевым⁶, сблизился с ним и просил принять его в помощники по организации боевых дружин. Таганцев ему доверял и познакомил его с сенатором Лопухиным и Тимофеевым. Будучи финским курьером, Паськов хорошо знал всю технику перехода границы курьерами, знал лично много курьеров.

В помощь Паськову по Петрограду дан был ПЧК-ой и некто Корвин-Круковский, человек, безусловно, интеллигентный и энергичный. Введенный в Таганцевскую организацию, Корвин-Круковский быстро освоился с членами ее и к маю имел уже обширное среди них знакомство. Характерно, что Корвин-Круковский так и рекомендовался некоторым членам Таганцевской организации как служащий ЧК и, несмотря на это, был принят в организацию полноправным членом. Правда, что он, со своей стороны, старался быть по-

лезным Таганцеву в различных организационных мелочах, что ему, как чекисту, и не представляло никаких трудностей.

Таким образом, к маю 1921 г. ЧК обладала уже некоторым материалом для возбуждения белогвардейского процесса.

Агранов решил, что наступила пора действовать открыто. Проходя последний раз из Петрограда в Териоки, Паськов ознакомил чекистов с расположением курьерских пунктов на границе и предупредил Агранова о времени и пути своего возвращения. В Петроград Паськов должен был идти, как было между ними условлено, вместе с Ю.П. Германом (кличка «голубь»), курьером финской службы. Герман был одним из идейных работников Таганцева. К этому приходу Паськова ЧК-ой сделаны были приготовления. Организовано наблюдение за местами перехода границы и путями следования курьеров.

Корвин-Круковский получил в свое распоряжение грузовик и 16 человек конвоя. С ним вместе был и врач ЧК Колосов. Вся эта компания выехала по дороге на Шувалово, далее по Лемболовскому шоссе на деревню Галатово, не доезжая которой и встретила курьеров финского генерального штаба Германа и Болотова, направлявшихся на лошади в Петроград, но арест их оказался неудачным. Паськов был на солидном расстоянии сзади. Болотов убежал. Смертельно раненый Герман достался большевикам. Все старания доктора Колосова привести в сознание Германа были бесполезны, не помогло и вспрыскивание морфия. Герман, не приходя в сознание, умер.

Это было толчком, давшим Агранову возможность приступить к массовым арестам в Петрограде. Поводом послужил список адресов и фамилий таганцевских сотрудников, якобы найденный при убитом Германе. В первую очередь арестованы были отец В.Н. Таганцева, сенатор, сенатор Манухин⁷, Воинова (ур. Арсеньева) и другие. За В.Н. Таганцевым посланы были комиссары с Гороховой в Тверскую губернию, где он был в научной командировке, и быстро доставили его в Петроград. Паськов в первую голову выдал всех матросов, переправленных из Финляндии. В это же время Аграновскою комиссией были случайно задержаны два финских проводника. Корвин-Круковский метался из квартиры в квартиру и, под предлогом участия и возможной помощи, узнавал новых лиц, причастных к делу. Комиссия ВЧК, с Аграновым во главе, все ночи напролет допрашивала арестованных, ездила на обыски и аресты и «производила операцию». Таганцев был посажен вместе с женою на Гороховую 2, сначала в первый корпус, потом во второй корпус в пробку ном[er] 2. Прислуга Таганцева — в особый ярус Дома Предварительного Заключения. Дети отданы в приют⁸. С первых же дней ареста Таганцева Агранов, вызывая его каждую ночь на допросы, всеми силами старался расположить В.Н. в свою пользу, но это ему не удавалось,

Таганцев молчал, — и Агранову не представлялось возможным выявить центральное лицо в «раскрытой организации». Проходили дни и недели, было арестовано много народа, но связать их в общую организованную массу было трудно. Между тем, ВЧК требовала от Агранова существенных данных, дабы возможно скорее сделать доклад ВЦИКу о полезной деятельности Петроградской Комиссии.

Агранов решил прибегнуть к последней мере и принудить Таганцева к сознанию. После сорокапятидневного сидения в пробке проф. Таганцев был вызван в 51-ю комнату на решительный допрос. Объяснив Таганцеву положение дела, Агранов, после долгой беседы, предложил пойти на компромисс: Таганцев дает полное сознание и выдает всех причастных к делу лиц, Агранов гарантирует облегчение участи арестованных. Таганцев поколебался, но определенного ответа все же не дал, тогда Агранов в резкой форме заявил, что он дает на размышление три часа и, если не получит ответа в положительном смысле, то примет «свои меры» и расстреляет всех виновных и невиновных, без разбора. Через три часа Таганцев был вызван к Агранову, и после двухчасового разговора был, наконец, подписан злосчастный договор между профессором Таганцевым и особоуполномоченным ВЧК Аграновым¹.

Вот этот договор:

«Подписанный по обоюдному согласию председателя выездной комиссии ВЧК Агранова и главы объединенных организаций Союза "Возрождения России" и "Молодой России":

"Я, гражданин Владимир Николаевич Таганцев, признаю себя виновным: 1) в активном выступлении против советской власти, 2) в организации антисоветской группы, 3) в организациях членов нового правительства, на случай переворотов в России, 4) в объединении союза "Возрождения России" и "Молодой России", 5) в принятии главенства и руководства в П.Б.О.

Я, Таганцев, считаю себя глубоко заблуждавшимся и теперь ясно вижу, что новая экономическая политика Советской республики ведет Россию на новую и здоровую дорогу, сожалею, что много людей ввел в заблуждение, и, благодаря мне, они должны понести тяжелую участь.

Я, Таганцев, сознательно начинаю делать показания о нашей организации, не утаивая ничего, буду говорить о наших задачах, целях и взглядах на будущее и не утаю ни одного лица, причастного к нашей группе. Все это делаю для облегчения участи участников нашего процесса.

Я, уполномоченный ВЧК, Яков Соломонович Агранов, при помощи гражданина Таганцева, обязуюсь быстро закончить следственное дело и после окончания передать в гласный суд, где будут судить всех обвиняемых.

Я, Агранов, обязуюсь, в случае исполнения договора со стороны Таганцева, что ни к кому из обвиняемых, как к самому Таганцеву, так и к его помощникам, даже равно как и к задержанным курьерам из Финляндии, не будет применена высшая мера наказания.

Заведующий секретно-оперативным отделом
Республики и уполномоченный ВЧК Агранов».

Собственной рукой Таганцева сделана на договоре расписка:
«Договор читал и подписываюсь

В. Таганцев.

Петроград 28 июля 1921 г.»¹⁰

Этот договор имел следствием расстрел 3-х групп обвиняемых (61 чел., 18 чел., 8 чел.) и несколько отдельных смертных приговоров¹¹.

После подписания договора Агранов по прямому проводу с Гороховой 2 разговаривал с Москвой с Дзержинским, которому гарантировал немедленную ликвидацию Таганцевского дела. 29 июля Таганцев был снова вызван на допрос, и от него в первую очередь потребовали подробный список адресов участников дела. Получив список, Чека в тот же день сделала «установки» и заготовила ордера на обыски и аресты. Аграновская комиссия в тот день к массовым операциям еще не приступала. 30 июля, после допроса Таганцева, Агранову был подан легковой закрытый автомобиль, в котором Агранов вместе с Таганцевым поехали по городу. Таганцев должен был указать все те дома, в которых он бывал, но не запомнил адреса. Автомобиль выехал с Гороховой 2 в два часа дня, а вернулся в восемь. В ночь с 30-го на 31-ое начались операции ЧК. Ордеров на аресты и обыски было заготовлено такое количество, что своих автомобилей в Чеке не хватило. Были мобилизованы машины автогужа, и в первые три ночи в Петрограде работало по обыскам восемьдесят машин. В эти ночи на Гороховую было доставлено до трехсот арестованных. Разместить их в обычных помещениях не представлялось возможным, тогда в Доме Предварительного Заключение был отведен в личное распоряжение Агранова «особый ярус», куда направлялись менее серьезные арестованные.

После подписания Таганцевым договора, арестованный стал получать коммиссионный обед (с кухни служащих в П.Ч.К.), во время допросов, в комнате Агранова, где он проводил теперь целые дни и писал лично свои показания, поили его чаем с сахаром, выписывали отдельно хлеб и масло, подавали сыр и семгу. На ночь его уводили в камеру, а утром снова приводили в комнату к Агранову. Таганцев пользовался даже банею с душем, что для обыкновенных арестантов недоступно. Когда Агранов или его следователи испытывали какое-либо затруднение с допрашиваемыми, они обращались за раз-

яснениями к Таганцеву, и он с готовностью сообщал, что мог. В тех случаях, когда арестованные запирались, не хотели подтвердить показаний Таганцева, его вызывали для увещевания, и так был велик привычный его авторитет, что обыкновенно после переговоров арестованные шли на уступки и соглашались с Таганцевым в необходимости и рациональности добросовестной ликвидации дела и отдаче себя на милость победителя.

Агранов торжествовал, с каждым днем обнаруживая новый материал и новых лиц.

С.

КОМНАТА ДЛЯ ПРИЕЗЖАЮЩИХ

В левом заднем углу на Гороховой 2, где помещаются знаменитые Петроградская и Губернская чрезвычайные комиссии, в нижнем этаже рядом с пропускным пунктом существует дверь с знаменитой вывеской «комната для приезжающих». Комната довольно большая, квадратная, каждая стена длиною двенадцать аршин, пол асфальтовый, три окна, выходящие во двор, замазаны белой краской, с внутренней стороны вставлены железные решетки. Внутренний вид жалкий и запущенный: отчаянно грязные стены и потолок, по углам паутина, совершенное отсутствие обстановки, нет даже печи. Назначение этой комнаты, действительно, для приезжающих из петроградских тюрем и самой чеки людей, приговоренных к смертной казни.

Обыкновенно накануне казни выводят приговоренных из камер чрезвычайки, а, главным образом, предварилки, объясняя им, что они переводятся в другое помещение или освобождаются на волю, но доставляются в комнату для приезжающих. В комнате читают им приговор, заставляют расписаться под приговором и сразу же надевают наручники, одну пару на двоих, одно кольцо наручников на правую руку первого, другое на правую руку второго приговоренного. Дверь комнаты для приезжающих открывается от 4-х до 8-ми вечера, и только в эти часы пополняются жильцы страшного помещения. Жильцы долго не засиживаются, проводят ночь и день, а в следующую ночь от 3-х до 4-х часов производится отправка их на место казни.

В продолжение полутора суток, которые приходится проводить в комнате для приезжающих, арестованные не получают ни еды, ни воды. Охрана арестованных: один часовой под окнами во дворе, другой на лестнице у замкнутой двери, ключ от которой находится у коменданта Губчека. Помимо коменданта доступа к арестованным нет, в течение полуторасуточного сидения никто к ним не приходит, и они все это время остаются на произвол судьбы, их не выпускают

даже для отправления естественных надобностей. Женщины и мужчины находятся вместе. В 1921 году, в дни больших расстрелов, комната бывала битком набита приговоренными. В три часа ночи из гаража чрезвычайки во двор Гороховой 2 подается пятитонный грузовик, во двор приводится усиленный наряд из роты коммунаров, комендант спускается в комнату для приезжающих, открывает дверь, и по списку скованных попарно выводят во двор и сажают в автомобиль. На закрытые борта грузового автомобиля тесным кольцом садятся вооруженные коммунары, машина трогается и катит на артиллерийский полигон на Ириновской железной дороге. Две легковые машины сопровождают грузовик с арестованными, в них размещаются лица, тем или иным способом участвующие в казни. Здесь непременно находится следователь, который в последний момент, когда уже приговоренный стоит на краю ямы, задает последние вопросы, связанные с выдачей новых лиц. Такие вопросы задаются обязательно каждому приговоренному. Тут же помещаются всегда два или три спеца по расстрелам, которые выстрелом в затылок из винтовки отправляют на тот свет. Кроме них пять-шесть человек, присутствующих при казни со специальными обязанностями снимать наручники, верхнее платье, сапоги и белье и подводить жертву к стрелку-палачу.

Зачастую, при массовых отправках на полигон, арестованные, сидящие в комнате для приезжающих, не выдерживают последних суток и умирают. Труп кладут на автомобиль, не расковыряв соседа, а по приезде бросают в общую яму.

Чрезвычайная комиссия имеет своих дилетантов-палачей, которые ездят расстреливать не по обязанности, а из любви к искусству. За период кронштадтских расстрелов и Таганцевского дела приобрели известность своими расстрелами командир роты коммунаров*, бывший гвардейский офицер Ал.Ал. Бозе, комендант губчека Шестаков, бывший матрос Балтийского флота, и помощник коменданта Прус. Во время Таганцевского расстрела шестидесяти одного, расстреливали первые двое¹². В качестве помощников Бозе и компании, на обязанности которых раздевание приговоренных, отличаются надзиратели Губчека: Балакирев, Бойцов, Серов, Бондаренко, Пу и Кокорев. Первый и последний служат в Губчека старшими надзирателями. Все они «работали» при Таганцевском деле. Следователи, назначенные Аграновым провожать арестованных по Таганцевскому заговору, были Сосновский и Якобсон. Зимой в 1921 г. расстрелы на артиллерийском полигоне Ириновской железной дороги прекратились, и арестованных стали отправлять на полигон Царского Села. На первом полигоне по Таганцевскому делу были расстреляны две

* В настоящее время командир 11 полка ВЧК, прикомандированного к ГЧК.

крупные партии, одна в 61 человек, другая в 17 человек. На втором восемь человек, которых большевики обвиняли в принадлежности к французской организации, связанной с Врангелем, и в принадлежности к Таганцевскому делу¹³.

С.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Береговой форт Ино (в наст. время — Приветненское, в 18 км к западу от Зеленогорска) входил раньше в состав Кронштадтской крепости. В 1918, при передаче форта Финляндии, укрепления его были взорваны, но жилые помещения остались целы. В них и разместился лагерь кронштадтских беженцев.

² Временный Кронштадтский ревком, во главе со Степаном Петриченко, избран делегатами от частей армии и флота, от организаций и заводов Кронштадта 2 марта 1921 года. В ночь на 18 марта часть кронштадтцев, в т.ч. уцелевшие ревкомовцы, успела по льду добраться до Финляндии. С.М. Петриченко жил в Финляндии до 1945, когда был выдан Сов. Союзу и затем погиб в ГУЛаге.

³ Линейный корабль «Петропавловск» был очагом и оплотом кронштадтского выступления. Ревком вначале размещался на его борту. Как и другие корабли, «Петропавловск» был скован льдом и достался победителям; значительная часть команды покинула его.

⁴ Агранов Яков Соломонович (1893-1938). Большевик с 1915, с мая 1919 — оособоуполномоченный при Президиуме ВЧК. В 1933-37 — зам. председателя ОГПУ (затем — наркома НКВД). Руководил или надзирал за следствием по всем важнейшим делам 30-х гг. — от «Промпартии» и «Союзного центра» до дел Зиновьева-Каменева и Радека-Пятакова. Арестован в 1937. Обстоятельства смерти неизвестны.

⁵ «Мелкими террористическими актами» автор, возможно, считает сожжение трибуны на пл. Урицкого (в ночь на 1 мая), взрыв у памятника Володарскому (15 мая) и т.п. После ликвидации «ПБО» руководители Петрогубчека включали эти диверсии в число «террористических актов» и ставили их в общий ряд с убийством семи и тяжелым ранением восьми «коммунаров» (из 7 убитых по меньшей мере 5 были потеряны при вооруженном сопротивлении в момент задержания «заговорщиков»).

⁶ Таганцев Владимир Николаевич (1889-1921) — географ, исследователь сапропеля (озерного ила), секретарь Сапропелевого комитета АН. Сын почетного члена Российской АН сенатора Н.С. Таганцева (1843-1923), одного из крупнейших юристов-криминалистов. В усадьбе Таганцевых Залучье (под Вышним Волочком) размещалась Сапропелевая станция АН, где, видимо, и был арестован (не позднее середины июня) Таганцев-младший. О тогдашней позиции В.Таганцева и Н.Гумилева «Петроградская правда», цитируя эмигрантскую печать, писала 11 окт. 1921.

⁷ Манухин Сергей Сергеевич (1856-1921) — до 1905 министр юстиции, после Октября консультант Наркомфина, член Сапропелевого комитета. Приговорен 3 окт. 1921 к 2 годам лишения свободы; 22 ноября, «ввиду крайне болезненного состояния», освобожден из-под стражи и вскоре скончался.

⁸ Дети В.Н. Таганцева, 5-летний Кирилл и 3-летняя Агния, были помещены в два разных детприемника, а потом взяты на воспитание родственниками.

⁹ Достоверность текста договора требует, конечно, проверки и независимого подтверждения. Версия существования договора подтверждается свидетельством арестованного по тому же делу химика проф. А.И. Горбова (см.: Новый мир. 1989, №4. С.264). Договор цитирован А.И. Солженицыным в «Архипелаге ГУЛаг» (ч.1, гл.8).

¹⁰ Дата под текстом договора требует проверки и сопоставления с датами массовых арестов по «делу ПБО». Ряд арестов прошел в июне. Профессор-химик М.М. Тихвинский взят 25 июля (накануне отъезда в научную командировку в Берлин). Сообщение о раскрытии заговора «Петроградская правда» поместила 26 июля.

¹¹ Расстрельный приговор 61 человеку вынесен Петроградской губчека 24 августа. Часть специалистов, арестованных по «делу ПБО», была — по практическим соображениям и в связи с ходатайствами разных лиц — избавлена от казни. Таковы, напр., исследователи сапропеля геолог-угольщик В.И. Яворский (освобожден в конце августа) и гидрогеолог Н.Ф. Погребов и П.И. Бутов (освобождены позже): за всех троих просил через Ленина знакомый Н.К. Крупской профессор-геолог Н.Н. Яковлев. Ср. судьбы М.М. Тихвинского (после его расстрела Ленин писал Н.П. Горбунову, что «химия и контрреволюция не исключают друг друга». В.И. Ленин и ВЧК. М., 1987. С.469), А.И. Горбова (освобожден, за него просил Горький), Б.В. Цванцигера (взят по «делу ПБО» в Москве 29 окт. 1921, под стражей до 9 окт. 1922).

¹² Петроградское «Революционное дело» в марте 1922 сообщило такие подробности об этом расстреле: «Расстрел был произведен на одной из станций Ириновской ж.д. Арестованных привезли на рассвете и заставили рыть яму. Когда яма была наполовину готова, приказано было всем раздеться. Начались крики, вопли о помощи. Часть обреченных была сильно столкнута в яму, и по яме была открыта стрельба. На кучу тел была загнана и остальная часть и убита тем же манером. После чего яма, где стонали живые и раненые, была засыпана землей». (Цит. по: Мельгунов С.П. Красный террор в России: 1918-1923. Изд.4-е. Нью-Йорк, 1989. С.141).

¹³ Военное положение в Петрограде было отменено 20 сент. 1921, однако аресты по «делу икс», как именовали его в высших большевистских кругах (В.И. Ленин и ВЧК. С.490), продолжались еще несколько месяцев. С ним связывались и дальнейшие приговоры (см., напр.: «Петроградская правда» от 15 дек. 1923 о деле Никитина). О «деле ПБО» см.: Голинков Д.Л. Крах вражеского подполья. 1-е изд. М., 1971. С.259-266; Новый мир. 1989. №4. С.263-269 (статьи Ф.Перченка и Д.Фельдмана); Николай Гумилев в воспоминаниях современников. / Ред.-составитель В.Крейд. Париж — Нью-Йорк, 1989; Московский новости. 1989. №№44, 48 (статьи С.Лукницкого).

И. Вознесенский — один из многочисленных псевдонимов выдающегося отечественного историка **Феликса Федоровича Перченка** (1931-1993), к которому он вынужден был прибегать в период тоталитарного режима при публикациях за границей. В дополнение к примечаниям Перченка укажем данные о судьбе организатора "дела ПБО" Я.С. Агранова, которые стали известны в последние годы:

АГРАНОВ ЯКОВ (ЯНКЕЛЬ) САУЛОВИЧ (ШМАЕВИЧ, ШЕВЕЛЕВИЧ).

Род. в 1893 г. в Могилевской губ. С 1912 член партии эсеров. В 1915 примкнул к большевикам. На следующий год после "дела ПБО" стал активным организатором высылки интеллигенции в 1922 году (в должности нач. Особого бюро по делам адм. высылки антисоветских элементов и интеллигенции при СОУ ГПУ). В 1930 из его пистолета застрелился В. Маяковский. В 1935 получил звание Комиссар ГБ 1 ранга (26 ноября 1935). 1 зам. наркома внутр. дел СССР (10 июля 1934 — 15 апреля 1937). Агранов был арестован 20 июля 1937. В ноябре 1937 фигурировал в одном из расстрельных списков, но был вычеркнут. Его фамилия открывала список "Москва-Центр" по 1-й категории на 139 чел. от 26 июля 1938 года, в который вошла верхушка армии, авиации, флота и гос. безопасности. Подписи: "За расстрел всех 139 чел." И.С[талин]. В.Молотов. Из списка Сталиным был вычеркнут Маршал СССР А.И.Егоров и цифра исправлена на 138. Приговорен ВКВС СССР 1 августа 1938 к ВМН и в тот же день расстрелян. Место захоронения, как и у всех чекистов, до сих пор не открыто. Однако все остальные по этому списку были захоронены на территории совхоза "Коммунарка" (Моск. обл.). Не реабилитирован.

(Прим. ред.)